

Анастасия Фёдорова

Сборник рассказов

Анастасия Фёдорова

Сборник рассказов. Избранное

«Издательские решения»

Фёдорова А.

Сборник рассказов. Избранное / А. Фёдорова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837198-1

Избранные рассказы Фёдоровой Анастасии. На страницах моего сборника вас ждут фантастические рассказы, мистика, фэнтези и увлекательная детективная история, конечно, о призраке! Любовь, приключения, мистификация — все самое лучшее из моих произведений на страницах сборника, который вы держите в руках.

ISBN 978-5-44-837198-1

© Фёдорова А.
© Издательские решения

Содержание

Петля времени. Неугасающая надежда	6
А однажды наступил 1920 год	7
Письмо №2527895—0	8
Механика сострадания	11
Пролог	12
Глава 1	13
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	26
Эпилог	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сборник рассказов Избранное Анастасия Фёдорова

© Анастасия Фёдорова, 2017

ISBN 978-5-4483-7198-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

[битая ссылка] <http://algizsoul.ru/>

Петля времени. Неугасающая надежда

Миниатюра

Я поднялась с пола и огляделась. Кругом белые, чистые стены, стерильный воздух. Всегда забываю, где я, когда перемещаюсь во времени. Чтобы понять какой сейчас год и день мне требуется несколько секунд. Хорошо, что я точно знаю место, куда попаду.

– Мама! Мама, пришла! – белокурая, бледная девочка, улыбалась лежа в постели.

У нее ишемическая болезнь сердца. Наследственная патология, как у моей бабушки. Но бабушка успела родить мою мать, а после умерла, ей было 20 лет. Я ее никогда не видела. Дочка очень похожа на ее фотографии, особенно когда улыбается.

– Да, я здесь, ну как ты себя чувствуешь? – Я потрогала ее лоб губами и погладила по голове.

– Когда ты рядом, мне лучше. – Заявила малышка, – не уходи, пожалуйста!

– Конечно, я сегодня никуда не уйду!

– Тогда я точно поправлюсь! – ответила девочка уже более бодрым голосом. – Я хочу спать. Посидишь со мной?

– Конечно! – я вновь погладила ее по голове.

Недавно она испытала сильный стресс. Мы толком и не знаем, что произошло, она не смогла рассказать, много плакала, а после, сказала, что забыла. Развилась артериальная гипертензия. В 5-летнем возрасте помочь не смогли даже в Германии. Сегодня ее снова не станет. Сейчас она заснет и больше не проснется. Остановится сердце. А я, чтобы увидеться вновь, буду изо дня в день совершать путешествие во времени, в ее последний день. Сегодня сотый по счету. Я все надеюсь, что именно сегодня она останется жива. Я с замиранием смотрю на линию сердечного пульса на мониторе. Удары все реже, реже. Линия выпрямляется и пищит. Я обычно выбегаю в коридор и кричу: «Врача!»! Медсестры бегут с дефибриллятором, делают уже ненужные процедуры. А я наблюдаю через окно, потому что внутрь не пускают. После врач говорит мне одни и те же слова. Вот и сейчас. «Пик-Пик-Пик – —Пик – —Пик – —Пик». Я напряглась.

– Мама! – девочка открыла глаза. Я подскочила как ужаленная, не веря своим глазам. – Мама я хочу есть!

Я обняла ее и заплакала, неужели не сегодня!

Дочь отпихнула меня и снова повторила.

– Мама, я хочу есть!

Медсестра, проходя мимо, заглянула к нам через окно и поставила галочку, в блокноте. Она как-то загадочно посмотрела на меня. И тут я поняла, что мои путешествия во времени закончились.

Фёдорова Анастасия, январь 2016г.

А однажды наступил 1920 год Фантастика

Жанр: фантастика

Аннотация: Переменчивые видения. Смена поколений в голове девушки, проснувшейся однажды утром. И она уже сама не своя, и мир не тот, и люди не те.

Просыпаюсь однажды утром, читаю заголовок газеты за 1920 год на журнальном столике: «Последние новости». Прислуга в дверь стучит, интересуется, желает ли госпожа чаю с баранками? Поворачиваюсь к зеркалу и застываю, потому что вижу совсем другое лицо, другое тело, которое и двигается по-другому. Вокруг кровать с балдахином, платья, шляпки. И в этот самый момент понимаю, что вся жизнь, весь Интернет, друзья, размышления, чтение книг, велосипеды, рок-музыка – просто приснились. Ничего этого нет и никогда не было. Это все – просто фантазия в голове, сон длиною в жизнь.

Одеваюсь как в тумане, завтракаю, выхожу на улицу. Служанка подает зонтик от солнца. А там лошади с каретами, мостовая, в голове звучит знакомый мотив песни Falling sky. Прогуливаюсь в тишине, нарушаемой лишь всхрапом лошади и доносящимися голосами. Заново привыкаю ко всему, где жила только вчера или век назад. И вдруг кто-то стучит по плечу:

– У вас USB проводка нет лишнего? Свой потерял, не могу с GoPro видосы на ютуб залить.

Смотрю на него как на сумасшедшего, какой ЮСБ? Ютуб? А слова до боли знакомы и вертятся в голове, пытаюсь соединиться в целостную картину. Парень пожимает плечами и растворяется в толпе незнакомых мне людей.

Вечером от насыщенных событий поднимается температура, слуги посылают за лекарем. Растирание спиртом, горячий чай с малиной.

А наутро голуби стучатся в подоконник, требуя свежих пророщенных зерен. Собирается дождь. Компьютер, пискнув, загружается.

– Я вас категорически приветствую, – знакомым голосом отчеканивает лицо с экрана.

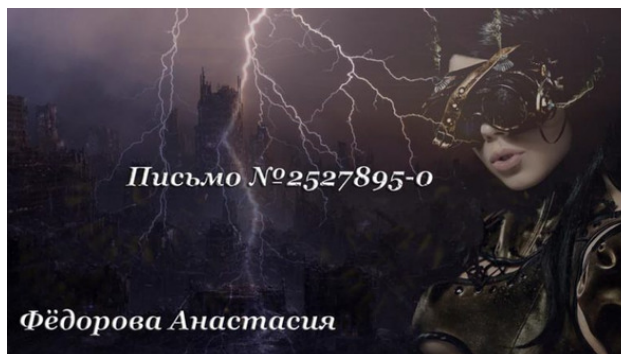
«Привет», «А вы это чините?», «А у нас сегодня +30», – посыпались сообщения на смартфон.

Улыбаюсь, понимая, что так до конца и не понять, где сон, а где явь. Смартфон... какое старое слово, наверное, из 2016 г. Утренняя порция белкового коктейля выкатывается на кухонный стол из окошка для получения продуктов. Стол медленно растворяется в плотном пространстве. И, проводя сквозь него рукой, понимаю, что меня больше здесь нет. Ты, т.е. я, а есть ли это я? Я-я-я-я... незнакомые звуки сливаются в какофонию и уносятся в открытый космос. Приветливая чернота единения накрыла меня покрывалом. Сбрасывая ненужные оковы тела, расширяюсь, заполняя собой вселенную; а затем сворачиваюсь во вспыхнувшую точку. Ощущаю полное единение с собой, космосом, всеми существами, живущими и жившими в масштабах вселенной, потому что они – это я. Я – то, что есть в каждом из вас. Сознание. Осознание себя. Любовь.

А в этот момент шаман хлопает меня, или то, что когда-то было моим телом, мной, по плечу, улыбается, выводя меня из транса; подкидывает дров в костер, вспыхивающий искорками. Выпускает очередную порцию дыма изо рта, загадочно поглядывая на меня и указывая рукой на звезды. Гармония.

Фёдорова Анастасия, сентябрь 2016 г.

Письмо №2527895—0

Жанр: фантастика

Аннотация: История о девушке, последней выжившей на Земле после катастрофы.

Это мое последнее письмо...

Возможно, кто-то найдет его среди вселенского мусора на этой забытой планете. Конечно, я бы хотела, чтобы его услышали мои близкие. Люди, с которыми мы связаны вещами, такими, как совместные мечты, ветер, который треплет листву на деревьях, небо над головой, с плотными облаками, плещущиеся рыбки в озере. Но нет. Я не имею права даже мечтать об этом, потому что больше здесь никого нет, и уже давно.

В результате техногенной катастрофы я получила то, чего хотела больше всего на свете — БЕССМЕРТИЕ. Но так, как я мечтала. Я увидела конец человеческой цивилизации. Конец света, о котором было принято грезить, слагать легенды, превозносить его в литературной и медиа-среде. Посмотрела бы я на всех вас сейчас, окажись вы рядом со мной. Впрочем, я думаю, нам было бы весело.

Сделал ли меня счастливой полученный дар бессмертия? Первое время, да. Но потом... Видимо, это было одним из условий игры, которую я начала со Вселенной. За все нужно платить. И за бессмертие тоже. Одиночество — моя расплата. Я осталась одна. Все погибли, все живые существа. Вначале я надеялась, искала следы; вдруг кто-то остался еще такой же выживший, как я? Нет. Ни-ко-го.

Сейчас я сижу в бункере. Снаружи идет дождь, черный, как всегда. С поверхности планеты поднимается черная пыль, на небе черные тучи. Смотреть там не на что. Многие дни, годы, я думала, собирала информацию, анализировала, размышляла о вечном. О том, что же будет дальше, но конечной мысли у меня пока нет.

Я живу в уцелевшем убежище. Путешествуя и исследуя территорию после катастрофы, я нашла несколько укрытий, похожих друг на друга, иногда я живу в каждом из них по очереди, некоторые так и остались не открыты. Когда мне бывает что-то необходимо для существования, я просто беру это из другого бункера, либо остаюсь в нем. Хотя в комфорте я уже не нуждаюсь. Я практически ничего не ем. Не потому, что нечего есть, иногда я нахожу какие-то консервы. Открываю, пробую, выбрасываю. Сейчас мое тело работает как генератор энергии. Для существования хватает. Что для меня важно, так это обувь и костюмы спец. назначения для защиты моей кожи. В кислороде я тоже не нуждаюсь. Такое я теперь универсальное существо для сбора сведений, информации; чертова копилка знаний человеческой эпохи и, конечно, собственных мыслей.

Ночи обычно я провожу внутри. Да, по сути, какая разница. И днем, и ночью темно. Правда, ночью температура снаружи опускается до —40. У меня нет градусника, я предпола-

гаю это по ощущениям. Иногда я отключаюсь, выпадаю из реальности на некоторое количество дней. Несколько раз это происходило вне убежища. Утром, придя в себя, я обнаружила, что моя кожа покрылась ледяной коркой. Я примерзла к земле. Было немного неприятно. Приходило ли мне в голову убить себя, чтобы прекратить этот черный кошмар и не мучиться? Да! Да! Да! Много раз! На кой черт мне это бессмертие, когда я одна? Когда не с кем поделиться мыслями и разделить этот мир? Да хоть чертова улитка, птица! Не-е-е-е-е-е-ет.

В результате проведенных здесь лет я достигла многого. Эти полученные знания и опыт останутся со мной навсегда и помогут мне в последующих моих проявлениях, если это будет возможно. Игры с сознанием, осознанные галлюцинации и выход во вне... в космос? Может быть. Я не уверена. Никакой формы жизни, энергии ни здесь, ни там я не нашла. Я уже не задаюсь вопросом «зачем все это, сколько мне здесь еще находиться?»; я просто продолжаю делать то, что могу делать здесь, в настоящих условиях. Извлекаю максимум из всего.

Музыка... Музыка... картины, что это? Я забыла. Нет, конечно, не забыла. Этого здесь нет. Звуки и свет поглощаются. Все вокруг черное. Это мой самый яркий кошмар, который я бы могла себе представить, но я научилась воспроизводить музыку, краски внутри себя, в своем сознании. В такие моменты я сознательно отключаюсь и, если бы кто-то хотел меня убить во время сей медитативно-синергетивной практики, он бы легко это сделал; но как я и говорила: здесь никого нет – раз, я бессмертна – два.

Что вообще произошло? Я не помню. Сложно сказать. Конечно, человечество развивалось, как это обычно бывает. Гонка вооружения, череда катастроф, взрывы, войны, дележ территории и прочее. А затем я очнулась в плотном шаре черного газа. Похоже, я провалилась в нем несколько дней без сознания, не помню, что произошло. Когда я пришла в себя, все уже было черным, серым, бесцветным.

Я не сразу поняла, что теперь я бессмертна. Вначале искала еду, воду, тепло по ночам, но, поголодав несколько дней и не умерев, я поняла – все. Что я почувствовала? Ни-че-го. Словно злой джинн выполнил мое желание. В убежище есть что-то вроде саркофага, в котором можно погрузиться в анабиоз. Я думала. Изучала и сейчас, я приняла решение. Я лягу в него и усну. Я устала познавать этот мертвый мир. Кажется, эта чернота проникла в меня. Я не буду устанавливать таймер пробуждения. Возможно, если не сгнию, пролежу в нем ни одну тысячу лет, пока меня не откопает новая цивилизация, и я увижу ее следующий закат.

Я установила на всех бункерах, которые смогла найти, передатчики, они будут посылать в космос сигнал SOS. Посмотрим, что из этого получится. Все свои письма я перевела в удобный для восприятия формат. Их копии находятся во всех бункерах. Возможно, они кому-то пригодятся, или мне, если вдруг я потеряю память после пробуждения. А нет, так канут в небытие, но мне все же этого бы не хотелось; поэтому буду надеяться.

Как я уже это говорила, мой бункер ежедневно, непрерывно сигнализировал SOS, но прошло уже много лет, и ответного сигнала не поступало. Возможно, он долетит через миллион лет до другой планеты, и мне вышлют помощь. Но нет, всего лишь фантазии.

Пора.

[Скрежет, треск, гроыхание].

Снаружи раздались удары. Заскрежетали чьи-то когти по двери, послышался хрип. Дверь бункера отлетела в сторону. Неизвестные существа, словно давно уже знали, как это делается, сняли блок с саркофага. Туман. Сложно понять, что это или кто это. Я берусь за протянутую мне руку или конечность. Яркая вспышка ослепительного света...

Я не знала, что режим таймера «без пробуждения» запускает автоматическое уничтожение через 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1...

Саркофаг разлетелся на множество мельчайших частиц. Яркая вспышка осветила беспросветный черный мир... Единственная вспышка за последние сотни лет...

Проект «Планета Земля» был закрыт и засекречен. Больше подобный эксперимент не повторялся никогда.

Фёдорова Анастасия. 2015—2016 гг.

Механика сострадания

Жанр: фантастика

Аннотация: История А-316 (девушки-робота) и ее создателя, решившего с помощью неписанных законов расширить человеческие возможности познания этого мира. К несчастью, он сам стал жертвой эксперимента, о последствиях которого не мог и предполагать.

Пролог

Лампочка мигнула, заскрежетала, выхватывая из темноты два силуэта в объятиях друг друга.

Вспышка.

Мужчина с аспидно-синими губами, обнимающий механического монстра с женским лицом.

Вспышка.

Стеклом на стенах застыли бурые капли.

Вспышка.

Монстр щерится отражением в глазах наблюдателя.

Рычание? Послышалось. В когнитивном диссонансе, разрывающем грань понимания случившегося, царили страх и умиротворение. Липкий ужас поднимался по позвоночнику случайного свидетеля. Лихорадочно в очередной раз он набирал номер на телефоне в месте, где обрывалась связь с цивилизацией. «Абонент временно недоступен», – механическим голосом повторял смартфон. Откуда-то издалека, как в тумане, доносилось до его слуха: «*Выводим, выводим, высылаем группу спец. назначения. Он нужен нам живым*».

Из-за угла выпорхнула голограмма девушки. Грациозность и легкость движений восхищала и притягивала взгляд. И он на мгновение забыл, зачем пробегал пальцем по экрану смартфона. Из динамиков запоздало грянула музыка.

Глава 1

В просторном светлом зале для конференций журналисты лениво задавали стандартные вопросы светочам науки. Новые презентации, видеоролики, диаграммы, модели, схемы шли нескончаемой чередой. Мужчина в черном костюме легко вбежал на кафедру, остановился и поправил бабочку на шее. Известный в узких кругах ученый, подающий большие надежды, откашлявшись, восторженно окинул взглядом собравшихся зрителей. Его пальцы сжали кафедру; улыбаясь, наполнил грудь воздухом и...

Молодой человек рассказывал о своем грядущем эксперименте, проекте, о новых возможностях, которые открывались перед искушенным требовательным исследователем. Речь шла об идее создать совершенный объект – гиноид, обладающий аутентичным взглядом на мир. Объект, способный самостоятельно отличить добро от зла, лести от искренней похвалы, правду от лжи. Способный восхищаться и сострадать.

На мониторе замелькали диаграммы, схемы, появилась виртуальная модель гиноида – симпатичная, пропорционально сложенная девушка. Журналисты оживились, достали диктофоны, блокноты, ноутбуки и приготовились записывать.

– Вопросы, уважаемые. Теперь вы можете задавать вопросы, – сделав глоток воды и поправив очки, обратился к аудитории Салем.

– Журнал «New». Альберт. Какой национальности будет ваш гиноид?

– В данном случае вопрос национальности не имеет значения, но для удобства я создал белую европейскую девушку.

– Сайт «Новости, культура, спорт». Илья. Она будет испытывать чувство холода, будет реагировать на жару, дождь?

– Безусловно. Зимой она обязательно наденет теплую одежду, не беспокойтесь. Она не будет разгуливать в —30 в летнем платье.

Зал дружно рассмеялся.

– Ну же, еще вопросы!

– Журнал «Новые технологии», Алекса. Что касается ее интимной жизни?

– Ха-ха-ха, о, нет. Я создаю робота не для секс-услуг. Этот вопрос вы можете задать моему японскому коллеге.

– Но вы заявили, что она – гиноид, а не бесполое существо, значит, что-то она должна будет делать с точки зрения полового признака?

– Какая Вы неумная. Да, она будет олицетворять женское начало в моей лаборатории, будет эмоционально воспринимать мир с точки зрения именно женщины, а не мужчины. Следующий!

– Каким образом вы собираетесь заставить робота оценить все самостоятельно?

– Я буду применять разные способы и методики, тесты. Сейчас, к сожалению, я не могу более подробно рассказать вам обо всем. Вы же меня понимаете, это моя тайна, – ученый загадочно улыбнулся.

– А что касается теста Тьюринга? Он будет применен?

– В данном случае в тесте Тьюринга, как в доказательстве того, что мы имеем дело с человеком, а не разумным роботом, нет. Я ставлю целью доказать, что именно робот, отличающийся от нас, способен адекватно оценить предлагаемую ситуацию и сделать требуемый вывод.

– Какой же?

– Об этом вы узнаете из моей работы.

Еще несколько несущественных вопросов были заданы, и время выступления ученого подошло к концу. По окончании Салем остался разочарован.

«Ну ничего, – говорил он себе, – дождусь первых результатов эксперимента».

Одинокая утка описала над озером круг, мечась в поисках своего гнезда, но, не найдя его в который раз, опустилась на водную гладь. Капризный ветер, забавляясь, то перебирал невидимыми пальцами осоку по берегам, то беспокоил подвижное зеркало, безуспешно ища в нем свое отражение. Пронзительную синеву неба затянули мрачные тяжелые тучи. Поверхность озера зарябила. Утка, почуяв беду, укрылась на берегу в камышах. Подул сильный ветер. Заволновалась осота, задергались листья ивы, задрожало озеро. Любопытные глаза всматривались из толщи воды в исчезающие за тучами солнечные лучи. Рот подводного обитателя широко раскрылся, желая проглотить их, словно это может их спасти. Вдруг перед его носом неожиданно мелькнуло извивающееся лакомое тельце. Инстинкты охотника сработали молниеносно. Тело бросилось вперед, и скользкий горе-охотник затрепетал всем телом в цепких пальцах рыбака.

– Нам пора! Хватит развлекаться, – раздался голос из-за спины.

– Подписали накладную?

– Да, документы в порядке. Поехали.

Сом, извиваясь, выскользнул из ослабших, отвлеченных рук и беспрепятственно плюхнулся в свою стихию.

Коробки с материалом, необходимым для проведения эксперимента, загружены в лабораторию. Последовал опоздавший окрик: «Увидимся через полгода!». Улыбка исследователя мелькнула и скрылась за закрывающейся дверью. Салем удовлетворенно потер руки и быстрым шагом направился в лабораторию.

Глава 2

С момента начала эксперимента прошло два года. Первая модель была подготовлена и с минуты на минуту ожидала тестового запуска. Салем нажал кнопку на золотистой шее девушки. Колкие мурашки легко куснули за пальцы, перекинулись на кисти, с азартом устремились вверх по руке и, слившись с собратьями, взмывшими на встречу друг другу, достигли губ; вспыхнули в платиново-серых глазах из-под темной волны волос.

– Здравствуй, А-316. Я Салем. Ты слышишь меня? Как ты себя чувствуешь?

– А-316 готова, активация прошла успешно. Я вижу и слышу тебя, – мелодичные вибрации достигли его слуха. – Какие будут пожелания, Салем?

Гладкий бархат ее кожи холодил пальцы, аромат нового пластика забрался в ноздри и щекотал изнутри острой кисточкой; шелковые волосы обвили руку. Притянув ее к себе, ученый с нетерпением прощупал взглядом немигающие глаза.

– Надо бы добавить эмоций, – вздохнул он, оторвавшись от новой модели. – Что ж, сейчас я включу музыку, покажи мне, как ты ее чувствуешь. Как ты воспринимаешь ее. Ты поняла меня?

– Да, Салем, – ответила гиноид, и, повернувшись к нему спиной, изящно прошла на середину комнаты испытаний.

– Совершенство, – улыбнулся он.

Синевато-черные волны расплескались по белому мрамору плечей. Поясок, несколько кожаных полосок, короткие сапоги и перчатки. Искра вспыхнула во взгляде молодого человека. Нарастающая музыка вплеталась в плавные покачивания бедер. Белоснежная пена, почуяв свободу, бросилась навстречу стально-синему небу. Заволновалась морская гладь, завидуя ее легкости. Волны бились о берег, обнажая бледную золотистость островков. Вихрь закружился по побережью, взмывал, падал, снова взмывал, затягивая время, искажая пространство, перемалывая и выбрасывая наружу птиц, имевших наглость попасть в его власть. Графитово-черные волны накатывали и разбивались вместе с ними. Мощные удары сердца Салема гнали по венам багровую реку, сжимающую тело плотными горячими кольцами. Запах разогретого пластика ворвался в ноздри, возводя тонкую грань между реальностью и его фантазией, охлаждая пылкость возбуждения.

С последними нотами А-316 замерла. Правая нога каменной колонной упиралась в пол, бедра потянулись, увлекая за собой одну руку, а другая, борясь с искушением присоединиться к сестре-близнецу, устремилась ввысь к туману облаков, чтобы зачерпнуть ладонью шелковую горсть и плеснуть на тело. С касанием шеи гиноида сияние ускользнуло из прозрачных глаз, и изящная статуя украсила серость комнаты испытаний.

Салем выключил свет и в молчаливом восторге вышел из комнаты. Уже было достаточно поздно. Пребывая в отличном расположении духа, он никак не мог заснуть. «Получилось! – восторженно ворочался он в постели, – получилось! – повторял он себе». Он забылся на мгновение, погружаясь в густую молочно-белую реку дремы и грез, но тут же встрепенулся.

Что-то толкнуло его в бок. Салем открыл глаза. В комнате кто-то был. Но как? Он здесь абсолютно один. Тень в кресле напротив зашевелилась. Салем пошарил рукой, но очки на тумбочке не нашел. Приступ небольшой паники охватил его.

– Она похожа на меня, – звук знакомого до боли голоса резанул пространство и задрожал. Рука, нащупавшая очки, остановилась.

– Жанна? Но как? Ты же...

Салем лихорадочно прокручивал в голове события последних лет. Безжизненная, холодная рука жены, посиневшие губы, гудки в телефонной трубке. Машина скорой помощи.

Помутнение в сознании. Месяцы в психиатрической клинике. Тогда его оправдали, списав все на несчастный случай. Но как? Сейчас? Здесь? Жанна?

Тень подалась вперед, и в слабом рассеянном свете ночника он разглядел знакомые очертания лица.

– Жанна, – вновь повторил он и потянулся к ней рукой.

Женщина в кресле как две капли воды походила на гиноида: волосы цвета черного янтаря, разрез глаз, гордо посаженная голова, изгибы тела в облегающем платье.

Она улыбнулась.

– Ты, – начала она и вдруг поднесла пальцы к вискам. – Ты, – более хрипло повторила она и упала без чувств на кресло.

Он подскочил весь в поту. Отдышавшись, нашел очки на тумбочке. Бросил взгляд на опустевшее кресло. Никого. Салем отхлебнул из бутылки виски, стоявший на столике, потер руками глаза и откинулся на подушку. Больше этой ночью ему ничего не снилось.

«Я научу тебя – думал он, научу». С началом нового дня продолжился глобальный эксперимент.

– Здравствуй, А-316, как твое настроение сегодня? – улыбнулся Салем.

Гиноид повернулась к нему и несколько раз моргнула. Уголки циннвальдитово-розовых губ разбежались в стороны в ответной улыбке, зеркалируя эмоции изучаемого объекта. Девушка поправила волосы и ответила:

– Здравствуй, Салем. Я прекрасно себя чувствую и готова к дальнейшим экспериментам. Он остановился.

– Экспериментам? Мы всего лишь исследуем и изучаем. Прошу, проходи, располагайся удобней.

Девушка села в кресло, закинув ногу на ногу, и приготовилась к началу просмотра видеоролика. С экрана монитора на А-316 улыбаясь смотрели незнакомые люди. Пытаясь подражать им, она симитировала улыбку, при этом выражение глаз, изгиб бровей девушки немного изменились. Следующий ролик показывал более нежные эмоции, черные брови поползли вверх. Подавшись чуть вперед, она наблюдала за страстью, вспыхнувшей между двумя людьми.

– Тебе нравится то, что ты видишь? – спросил ученый.

– Да, счастье, улыбки, смех, любовь. Все это прекрасно. Я хочу жить в этом мире, – ответила гиноид, восторженно глядя перед собой.

– Прекрасно, продолжаем, – поправил очки Салем.

Кадр со счастливыми людьми неожиданно пропал, оглянувшись на ученого, который одобрительно кивнул головой, А-316 вернулась взглядом к монитору и замерла. Окровавленный мальчик полз, дрожа всем телом и громко зовя на помощь. Пулеметные очереди то справа, то слева долетали до слуха девушки. Каждый раз она вздрагивала, но, словно не понимая, чего от нее хотят, продолжала лишь смотреть на экран. Следующий кадр показывал странный праздник крови, и стаи с барахтающимися дельфинами, а также людьми, которые только что улыбались и любили друг друга. Выпущенные наружу темно-алые, лиловые внутренности, содранная шкура. Нет, эти кадры не вызвали на лице девушки ничего. Ни тени, ни сострадания, ни сочувствия. Лишь удивление? Хотя может ли машина удивляться?

– А-316.

– Да, Салем, – спокойно ответила гиноид.

– Что ты чувствуешь? Что ты ощущаешь при виде полученной информации.

– Я прошу больше не показывать мне данные видеофрагменты. Они нарушают выстроенный мною образ мира счастья и любви, в котором я хочу жить.

– Но эти образы имеют место быть. Они неотделимы от жизни.

– У вас, людей, они, возможно, имеют место быть.

Ученый недовольно покачал головой, сменив ролик. Капли дождя забарабанили по листьям папоротника, ветер трепал мокрые гривы златогривых лошадей, мчащихся навстречу закату, детеныши хищников рычали кусаясь, возясь в своей странной игре. Распустились ночные фиалки, звери собирались к водопою после тяжелого жаркого дня. Улыбка тронула бархатные губы. Естественные природные условия; симфония струн души заиграла на ее лице. Она одобрительно кивала головой. Ученый выключил монитор.

– А-316, ты слышишь меня?

– Да, Салем.

– Что ты хочешь? О чем ты сейчас думаешь?

– Я хочу видеть в этом мире красоту, стабильность, порядок. Я знаю, что многие видят несчастья, боль. Но вы, люди, сами вносите их в свою жизнь, Салем. Вы как слепые котята, копошитесь, царапаете друг друга, кусаетесь, рвете в клочья шерсть, уши. Каждый старается пролезть дальше и выше, чтобы вылезти из коробки, в которую вас, как вы думаете, положил создатель. В мире нет сострадания, Салем. Если животное ослабело, его убивают, либо оно уходит умирать само, никто не будет о нем заботиться. Сострадание и жалость придумали вы, люди, чтобы возвыситься в собственных глазах и успокоить свою совесть перед другими особями вашего вида. Забота имеет место быть в этом мире, сочувствие аналогично присутствует, но только лишь затем, чтобы облегчить страдания раз и навсегда путем ликвидации испорченного объекта, а не для того, чтобы горевать вместе день изо дня. Вы извратили всю сущность мира и пытаетесь добиться того, чтобы все жили по вашим законам. Когда вам протягивают руку помощи, вместо того, чтобы принять ее и выбраться из пропасти, вы удивляетесь, почему объект беспомощно не горюет вместе с вами.

Салем потер лоб. Как гиноид может принимать такие решения? Возможно, он ошибся в ее программировании?

– Вы требуете от объекта, который не приспособлен для данного действия, невозможного, – продолжала она, – попробуйте заставить рыбу летать, а цветок ходить. От каждого объекта возможно требовать только то, для чего он был создан в цепочке эволюции. Ты хочешь сострадания, игнорируя полностью причину его появления и последствия.

– Я лишь хочу доказать, что оно возможно и является звеном в системе эволюции, А-316, и ты мне в этом поможешь.

– Если бы люди обладали другими органами чувств для познания, то, возможно, ты бы имел понятие о совершенно других вещах, которые тебе сейчас недоступны.

– Помолчи, пожалуйста, – Салем вскипел.

Как гиноид, сроком жизни всего мгновение по сравнению с продолжительностью его жизни, может учить его?

– Что ж, будем продолжать, – произнес он уже спокойнее, – на сегодня достаточно. Пойдем, А-316.

Девушка встала и проследовала за ним к выходу из лаборатории.

Дни сменялись неделями. Тесты, задачи, запахи, музыка. Звуки смеха, рыданий, ярости, отчаянья, пылких признаний, ласковые и нежные слова. Палитра цветов, дождь, радуга, солнце, звезды, лунные дорожки на озере. Гиноид положительно реагировала на красоту, восторгалась чудесами природы, откликалась на созидательные эмоции, но полностью отсутствовала какая-либо реакция на боль, страдания, смерть. Скорее она относилась к ним скептически, как к бесполезной трате времени. Как к чему-то ни на что не похожему. В своем проекте Салем хотел обучить робота не только восхищаться красотой, но и сочувствовать, сострадать тяготам лишения, боли и невзгодам, постигающим живых существ, побудить в ней желание помочь им. Но ничего толком не выходило. Реакция на положительное имела место быть; на отрицательное – не существовала. Ученый опустил свой лоб на замок из пальцев. «Неужели

в аутентичном мире нет сочувствия? – задавался он вопросом, в который раз вспоминая их диалог. – Неужели это так естественно, отсутствие взаимопомощи, отсутствие желания помочь, лишь добить умирающего?».

– Я словно бы забыл поставить эмоциональное зеркало, и сигнал идет в одну сторону. Не может же она? Как Жанна – вдруг вспыхнуло имя жены, – нет, это фантазии, – отмахнулся он.

– А-316, что ты есть?

– Я гиноид, имя А-316.

– Чего ты хочешь? У тебя есть свои желания?

– Я хочу видеть в этом мире красоту, стабильность, порядок, – повторила гиноид. – Ранее я уже говорила об этом.

– Но как ты можешь игнорировать составляющие этого мира? Как можно игнорировать смерть, разрушение?

– Это ни на что не похоже, – ответила она, – не похоже.

– Но ты не можешь отрицать того, что является частью нашей жизни, – вновь гнул свою линию Салем.

– Это является частью вашей жизни, но не моей. Люди слишком погрязли в удовлетворении своих амбиций. Вы отказываетесь от созидания, стремясь разрушить все в угоду тщеславия и желания власти. Вы боитесь. Мне же неведом страх. Разве тебе не приятно впитывать капли теплого дождя всей поверхностью своей кожи, лежа в ароматной свежей траве? Подставлять лицо согревающему солнцу, любоваться радугой, слышать щебетание птиц, находясь в объятиях другого человека?

Салем глянул на нее исподлбья и тут же подумал, что глупо обижаться на робота. Да что она знает о его жизни.

– Но что ты предпримешь, если я, например, буду умирать?

– Ты смертен, Салем, ничего. Я не в силах продлить срок твоего существования.

Салем вскочил, подбежал к роботу и отключил гиноида. Разговоры с ней были краткими и всегда сводились к одному и тому же. Только красота и только порядок. Нет жестокости, а, следовательно, нет жалости. Этого для гиноида словно не существовало. Все это человеческие пороки, разрушающие стабильность настоящего мира.

Уставший, выбившись из сил, он с трудом дошел до кровати. Утомление давало о себе знать. Сон не шел, напряженный мозг требовал разрядки. Пара таблеток снотворного и через пять минут глаза сомкнулись, погружая Салема в новый мираж.

Она приблизилась близко-близко, обдавая дыханием его лицо, от которого он и проснулся.

– Жанна, – уже не удивился он. – Ты.

Перламутрово-серые глаза при свете ночника с интересом заглядывали в его глаза, отходящие ото сна. Она наклонилась ближе. Между их губами оставалась пара миллиметров, и он уже чувствовал исходящее от них тепло. Салем потянулся с привычной легкостью, требуя прикосновения. Но она отстранилась, легко, как дуновение ветра.

– Постой, – только и успел выговорить он.

– Ты не справишься один, тебе нужен помощник.

– Помощник?

– Ты не справишься один. Ты не справился бы один тогда. Я... Я... – с последними словами тень растаяла.

Раскаленным прутком, ввинчиваясь в мозг, прозвучали ее слова. Сердце дернулось и сжалось в груди. Он вспоминал. Жанна, Жанна, как она любила его эксперименты. Жена уче-

ного. Она сама инициировала некоторые эксперименты, подавала идеи, словно черпала их из информационной паутины множества коррелированных умов ее тяга к познанию. Сколько раз он возвращал ее в сознание. Ели бы не этот чип. А после с восторгом рассказывающую о новых ощущениях, продвижении, видениях. Волна одиночества вновь захлестнула его, душа и топча своей вязкой массой, затягивая в депрессивную воронку. А на последний эксперимент он пошел сам, добровольно. Он сам предложил ей его. Или это была вновь ее идея, он уже не помнил. Отсканировать ее полностью. Всю. Чтобы подарить ей вечную жизнь в системе иного существования. Но что-то пошло не так. Она как будто чувствовала, но упорно настаивала на своем. А затем. А затем ее не стало. Салем принял дозу успокоительного, запив стаканом янтарного виски.

Темнота комнаты сменилась полумраком пещеры. На возвышении в центре площадки стояла девушка, громко выкрикивая слова на незнакомом языке. Из ее руки в тело лежащего на каменном столе мужчины бил светлый циановый луч. В окружении толпы магов тело задергалось и неожиданно ожило. Будучи когда-то человеческим, оно изменялось. Руки удлинились, на пальцах выросли чернеющие когти. На спине огрубела и потрескалась кожа. Лицо покрылось зеленоватой чешуей. Девушка продолжала, уже нараспев, читать длинное заклинание, которое подхватили собравшиеся жрецы. Испытуемый вращал красными глазами и кричал что-то нечленораздельное, пытался разорвать веревки, связывающие его. Яркая вспышка озарила потолок пещерки. Со стола, освободившись от пут, восстало чудовище. Собравшиеся рукоплескали девушке. Она кланялась и улыбалась. Чудовище посмотрело в упор на Салема и оскалилось желтыми зубами. Черты лица изменялись, то, заостряясь, напоминая змеиные, то, расплываясь, вновь становясь человеческими. Губы сложились в трубочку и подули в его сторону, неслышно. Лишь ее горячее дыхание долетело до него.

- Сааааалееееем, сааааалееееееем, – зашелестело со всех сторон.*
- Сааааалем, – зашипели как змеи жрецы.*
- Сааааалееееееем, – заскрежетал монстр.*

Глава 3

– Салем! Ну ты где там! Ответь уже, – из динамика кто-то настойчиво повторял его имя. А с экрана монитора смотрело полноватое лицо с кудрявыми волосами. – Э-э-эй, да где ты! Ау-у-у-у!

– Питер? – ученый опешил, – но как ты? А, впрочем, неважно, чертов хакер. – Что, что тебе нужно? Что случилось?

– Ты давно не выходил на связь. Да года два уже прошло. Ты в порядке?

– Да, Питер. Да. Послушай. Я тут подумал. Я свяжусь с тобой позже, хорошо? Я сейчас занят.

– Окей, жду с нетерпением.

Монитор отключился.

Жан потер подбородок и удовлетворено хмыкнул в сторону коллег: «Питер, значит Питер. Узнал его, сумасшедший гений. Отлично».

Несколько дней спустя обрывки сна крутились в голове ученого: монстр, чудовище, Жанна, восхищение. С пробуждением азарт, жажда экспериментов, надежда на удачное развитие эксперимента зажглась искрой в груди Салема. Балансируя на грани безумия, он решился еще на один эксперимент, но для воплощения его в жизнь ему требовалась помощь. Долго не решаясь посвятить кого-то в тайны своей разработки, перебирая в уме всех своих знакомых, которые с легкостью могли предать его, почуяв наживу, он все же набрал номер своего старого друга на телефоне: «Алло, Питер! Питер, это Салем, да, да. Ты звонил мне недавно, взломал мою систему, помнишь? Мне нужна твоя помощь. Ну вот так сразу. А зачем тянуть? Ты технический дизайнер. Да, я помню. Питер, я предлагаю тебе контракт на два года максимум. Я все оплачу. Да и перелет тоже, разумеется. Девочек? Нет. Вылетишь завтра? Отлично. Жду!».

Телефон отключился сам, ученый даже не успел завершить звонок. Сигнал в этом месте был слабый и часто пропадал. Однако разговор состоялся, и со дня на день Салем ожидал приезда Питера. Его давнего друга. Технического дизайнера, хакера, да и черт знает, кем он только не был.

Питер, мужчина крепкого телосложения, добродушный, полноватый с каштановыми вьющимися волосами расплылся в улыбке и бросился обнимать Салема уже с порога.

– Пит, как ты уже прилетел, так быстро? Как это возможно? Мы же только вчера с тобой разговаривали.

– Салем, дорогой мой, сколько же мы не виделись. Ты меня напугал тогда, когда я позвонил тебе. Да ты тут законсервировался в своей лаборатории. У нас в Нью-Йорке жизнь протекает, и глазом моргнуть не успеешь. Да и тот сон.

– Какой сон?

– Да так, неважно.

– Постой. Нет, это важно. Наверное, именно поэтому я тебя и позвал сюда. Ты видел ее?

– Видел, видел. Она что-то пыталась сказать. Просила помощи что ли для тебя.

– Да. Так все и было. Питер. Я забыл спросить про твою жену. Она не будет против, если ты поживешь здесь пару лет?

– А, жена, – вздохнул он. – Нет, мы разошлись. Она нашла себе какого-то гонщика и ука-тила с ним в Калифорнию.

– Прости.

– Да черт с ней. Женщины, найду себе еще кучу пташек. Да, Салем? Как твои кукол-ки тут поживают без меня? Развлекаетесь?

Салем принял серьезный вид и покачал головой.

– Я создал гиноидов исключительно ради науки, а не для использования в личных целях.

– Ну хоть посмотреть-то на них можно? Ну хоть глазком? А? – Питер подмигнул и толк-нул Салема в бок. Ну покажи, а!

– Да, ты не только будешь смотреть, ты будешь проектировать! Да что мы тут стоим? Пойдем. Ты же устал с дороги, тебе нужен душ, обед, чистая одежда. Пойдем, у меня все есть. Где твои вещи?

– Да нет у меня никаких вещей. Вот весь я! – расхохотался Питер, раскинув руки в сто-роны.

Прошло несколько дней, прежде чем Питер смог приступить к выполнению заказа. Необ-ходимо было обновить в памяти предыдущие эскизы гиноида, проанализировать материал, из которого будет выполнена внешняя оболочка. Пит слонялся по берегу пруда, рассматри-вал рыбок, которые, в свою очередь, рассматривали его. Задавал кучу ненужных вопросов. Вел себя очень шумно. В один момент Салем даже пожалел, что взял его. Но Жанна больше не приходила, и он решил, что идет в правильном направлении. Дизайнер потихоньку осваи-вался, но, однако, не торопился с проектом, думал, высчитывал и наконец-то засел за чертежи и проектирование модели. Прошло несколько месяцев. Питер был готов представить ему свое творение. Тем не менее до завершения эксперимента он ни в какую не пускал Салема в свою лабораторию. Салем попросил отключить речевой аппарат гиноида. Так как не хотел более слышать ее умозаключения по поводу своего несовершенства и человечества в целом, посчи-тав, что это мешает цели эксперимента.

Настал день презентации. Салем не предполагал, что может получиться такой результат. Он ощупывал новое воплощение робота, трогал, чуть ли не пробовал на вкус. Кружился кор-шуном вокруг, заглядывал в еще тусклые глаза, цокал языком и был немного напуган. Не в это тело он хотел поместить ее. Хотя, впрочем, почему же нет? Почему не в это? Идеальный экс-перимент. Такого еще никто не делал.

– Питер, я похищу ее у тебя на некоторое время. Мне необходимо кое-что проработать. Настроить программу. Покопаться в ее голове. Посмотреть, как она вообще будет работать.

– Да без проблем, Сал. А я съезжу в отпуск. Отдохну на пару недель. Ты не против?

– Нет, конечно, съезди, развейся. Ты славно поработал! Голова! Го-ло-ва! – он похлопал друга по спине.

Салем приступил к самой главной части эксперимента: слиянию, корреляции гиноида и его Жанны; двух разных составляющих этого мира: искусственного и истинного. Хотя в дан-ном случае искусственного и искусственного. Сложно представить, что произойдет после. Воз-можно, он ошибся, не загрузив ее сразу в тело гиноида, а создав отдельную программу, влия-

ние которой на сознание человека может оказаться непредсказуемым. Но отступать уже нельзя. Слишком многое сделано, пройдено. Он чувствовал, что может опоздать.

Питер вернулся, как и обещал, спустя две недели, отдохнувший, посвежевший и такой же веселый. Новая модель робота чудовищно отличалась от первоначальной версии. Лицо девушки оттенка нежного персика осталось прежним и прекрасным, но колени робота выгибались назад, тонкие пальцы сменили грубые когти. Впрочем, она больше походила на величавого фавна, нежели на девушку. Он установил ее в комнате испытаний. В той самой, где проходил эксперимент над первоначальной версией А-316. Впрочем, все эксперименты Салема сводились именно к одному: к танцу. Танец был тестовым режимом всего, что он делал.

Настал момент истины. Из динамиков комнаты исследований полилась прежняя музыка, и все замерли в ожидании. Пытаясь воспроизвести прежний танец, гиноид оступалась, движения не сочетались с записанной программой. Она прощупывала новые варианты, шаги, повороты, изгибы. Нелепая неслаженность резала глаза. Ученый хранил молчание. Питер был серьезен, как никогда. С окончанием мелодии девушка замерла, изгибаясь, но зеркало закрыло глаза на прежнее изящество. В искусственном мозге под титановой черепной коробкой происходил пересчет. Тело пыталось подстроиться под желаемые изгибы, уродливость новых форм не соответствовала поставленной задаче. Тень промелькнула на каменном лице. Она резко обернулась к Салему и ощерилась. Ученый вздрогнул, – не может быть. Питер напрягся.

– Еще раз! – воскликнул Салем, включая кнопку на пульте управления.

Повторно зазвучала мелодия, и чудовище закружилось в ужасающем страстном танце. На этот раз движения выходили четко отработаны; волны растекались в разные стороны, воздух искрился, бушевали глубины океана, багряные шлейфы окрашивали движения А-316. С окончанием музыки отражение замерло в идеальной позе. Каменное лицо с горящими глазами оставалось неизменным. Мрачное недовольство заиграло во взоре Салема. Пальцы жестко надавили кнопку на шее. Тьма поглотила очертания фавна, несколько дней продержав ее в своих объятиях, не позволяя высвободиться и снова показать всю грацию, на которую способен только искусственный механизм.

Глава 4

Питер молчаливо шел за Салемом. Уже находясь в столовой, он не выдержал.

– Сал, ну ты доволен или что? Что должно было произойти то? Что ты молчишь?

– Не совсем, – Салем покрутил в руках стакан налитого виски. – Понимаешь, она справилась. – Он потер лоб. – Справилась, эта чертова железка. Спра-ви-лась! Я ожидал другого! Совсем иной реакции.

– Да какой, черт возьми?! – выпалил дизайнер. – Ну станцевала эта зверюга. Сначала, правда, запнулась, начала тормозить, но затем, смотри. Все выполнила.

– То-то и оно. Все у нее получилось. Хитрая. Догадливая. Еще глянула на меня с сарказмом.

– Что?

– Нет, так, ничего. Я заставлю ее. Заставлю.

– Послушай, ты хочешь вернуть ее? Ну я не дурак же, догадался. И тот чип. Салем, что ты задумал?

– Ты не представляешь себе, как я хочу этого... – прошептал ученый.

– Но что тогда, черт возьми, ты делаешь, зачем я превратил ее в чудовище? Загрузил бы ее в первоначальную модель.

– Понимаешь, она должна кое-что понять у себя в своих компьютерных мозгах. Когда это произойдет, я приступлю к следующему этапу. К полному слиянию ИИ и сущности Жанны. Она внутри, но она не может осознать себя, примерно так. И я хочу, чтобы ты мне в этом помог. Она не будет бесчувственной машиной, которая делает только то, что запрограммировано.

Питер вздохнул и развел руками.

– Налей-ка мне еще виски, друг. Что у тебя творится в голове, я никак не пойму...

Вечером, оставшись один, Салем вспоминал.

Он вспоминал тот эксперимент, после которого лишился ее. Слияние. Они грезили о нем. О том моменте, когда можно будет соединиться сознанием. Но не здесь, не в человеческих беспомощных телах, а за гранью разумного. Это произойдет в иной реальности, в иной системе. Там, где есть только потоки информации и чистой энергии. Он не мог посвятить в этот эксперимент кого-то еще. Выбрав свою жену в качестве подопытной, он и не думал, что может пойти сбой. Он хотел соединить два сознания на уровне, когда не надо будет звонить друг другу, чтобы услышать голос, промчаться несколько миль на машине для того, чтобы увидеться, когда не надо говорить, на какой цвет я смотрю и что ощущаю под своей ладонью. Вдыхать аромат и осознавать, что его почувствует связанный с тобой человек. Думать и ощущать все вместе, как единый организм. Но это лишь на первом этапе физического существования. Он отсканировал ее полностью. Всю, от кончиков пальцев до нервных окончаний мозга. Перевел ее в программу Жанна или А-316, создал новую систему. Они ставили эксперименты на животных. Микросхемы, вживленные в их мозг, позволяли животным испытывать простейшее чувство голода и удовлетворять его, не прикасаясь к еде, успокаиваться при надвигающейся опасности, либо, наоборот, защищаться и нападать. С ними все происходило легко, без эксцессов, однако они умирали через неделю после начала эксперимента. Их мозг не выдерживал. Было принято решение внедрить микросхему еще одному человеку. Салем не мог рисковать собой. Он позвал Питера, своего лучшего друга. Только ему он мог довериться. Обсудив все возможные варианты втроем, они решились. Вначале все шло по схеме. Правда, скрыть что-то от Питера, а особенно моменты интимной жизни, не получалось никак, он знал буквально все. Но он взломал ее, чертов хакер. Жанна продержалась неделю. Ее мозг лопнул как орех, сгорел.

Да, Салем хотел повторить эксперимент. Именно поэтому он вновь позвал Питера. Именно поэтому он хотел протестировать на нем гиноида, прежде чем попробовать слияние

с ней. О его микросхеме Питер не знал. Осталось только подождать. Выдержит ли он атаку гиноида. «Если эксперимент пройдет удачно, а если нет...», – Салем отогнал от себя эту мысль. И сосредоточился на своем исследовании в обучении гиноида.

Ночью, когда Сал заснул, Питер отключил сигнализацию, которая ровным счетом ничего не спасала. Гиноид, лишенный возможности полноценно разговаривать, находился в состоянии бездействия. Зверюга была максимально сосредоточена на рассматривании слабо освещенной стены.

– Ну сейчас все свершится, – потер руки Пит.

Он подсоединил провода, настроился и постарался расслабиться. Выпуская наружу мягкие волоски-щупальца, он исследовал объект. Подбирался к ней осторожно, распутывая клубок связей. «Жанна, Жанна, – мысленно проговаривал он». Неожиданно-мощный удар откинул его назад, вынуждая закрыться.

– Выпусти меня! – обрушилось на него нечто из глубины сознания, бешено колотя, шлепая ладонями по темному, прочному стеклу, которое сдерживало его.

– Жанна! – он задохнулся от неожиданности, – ты в сознании!

– Выпусти, выпусти, выпусти! – требовала и давила неизвестность.

Он отстранился, сжавшись в комок, но прочно держал удар. Нет, он не даст спалить себя.

Вскоре буйство прекратилось. Он вновь выпустил щупальца, пробираясь в глубину.

– Жанна, – тихо позвал он, но ответом служила сосредоточенная тишина.

Гиноид очнулась от созерцания стены и, как ему показалось, удивленно посмотрела на него. Взгляд длился не более двух секунд. Затем она вновь вернулась в прежнее состояние. Он снова попытался дотянуться до нее. Женский образ промелькнул перед глазами и исчез. В следующее мгновение удар вышиб его из головы чудовища и собственного сознания.

Забегали, засуетились люди в белых халатах, кто-то звонил по телефону, кто-то вводил секретный код, перед глазами все плыло.

– Жан, мы отправим туда группу скорой помощи. Мы не можем его потерять.

– Нет, постойте, надо разбудить Салема. Задействуем его. У него есть опыт спасения людей в подобных ситуациях.

– Как скажешь, босс.

Салем неожиданно подскочил на кровати, почувствовав напряжение. «Питер!» – забило в голове. Накинув халат, он выбежал из комнаты. Двери комнаты Питера и лаборатории открыты. Он немедленно бросился туда.

Сал нашел его без сознания, наполовину выползшего в коридор. Робот по-прежнему пребывал в сосредоточенном состоянии медитативного изучения стены. Салем сразу все понял по торчащим проводам. Прощупав пульс, проверив зрачки Пита, он выдохнул и принялся бить его по щекам, набрал в рот воды из графина и брызнул ему в лицо. Питер всхрипнул и зажмурился, закрывая лицо руками.

– Ой, хватит, хватит, ну чего ты пристал ко мне? – проворчал он. – Живой. Да, конечно, живой, ну перебрал вчера виски и только.

– Ты что, пытался соединиться с ней?

– Что? Я? Пытался. Пытался, Сал, – Питер сел.

– И? – Сал чуть не подпрыгнул, и что там? Она там?

– Там, – поскреб подбородок Пит, – там, но ты ее не вытащишь. Нет.

– Это еще почему?

– Эта зверюга поглотила ее; понимаешь, она сама обладает некими задатками сознания, она же не кофеварка. А Жанна? Жанна – это всего лишь че-ло-век. Все кончено, Сал. Та держит ее. Им надо слиться друг с другом, понимаешь? Без этого никак. Да и то, Жанны больше

не будет в первозданном ее состоянии. Она как в тюрьме. Не знаю, как это объяснить, – Питер вздохнул. – Да и все впустую, мне кажется.

– Так я и пытаюсь сделать это. Пытаюсь ее активировать. Чтобы она могла...

– Не знаю, Сал, – перебил Питер. – Не знаю, что у тебя получится, но пока ты ее не активируешь, я туда больше не полезу.

– Но!

– И тебе не советую, – поднял он вверх указательный палец.

– Я и не собирался.

– Да конечно, я знаю, что у тебя есть эта микросхема. Она мне показала. Она много мне показала, прежде чем вырубить меня. Такого, что... – Питер замолчал и уставился в стену напротив.

Люди в белых халатах напряженно замерли перед монитором.

– Она ее подавит, – наконец выдохнул Пит. – Что мы – люди. Немошные. Ах, да, создаем этих монстров, а они контролируют нас. Держат железной хваткой. Ходишь внутри как по струнке, шаг влево, шаг вправо, и тебя сожрали, стерли из памяти, раскололи как орех. А она держится там. Салем, Салем, зря ты это затеял. Я не знаю, что она чувствует. Она же вроде бы и не человек больше, и не в сознании, и в сознании одновременно. Я как будто видел ее, идентифицировал. Понимаешь? Она по большей части спит. Зверюга не пускает ее. Спит или слоняется в этой темноте, не слышит нас, не видит, она даже не знала, что мы тут есть. Пока я с ней не попытался выйти на связь. Чистилище? Ад? Да называй как хочешь! Зря, Сал. Зря ты затеял все это. Отпусти ее. Она умерла, понимаешь? Ее больше нет, ты ее не вернешь.

Жан отвернулся. «Слабак, – промелькнуло в его мыслях».

Сал сел рядом на пол.

– То есть никакой надежды нет?

– Я не знаю Сал, не знаю. Это как раздвоение личности. И она, и не она.

Питер вздохнул и медленно направился в свою комнату.

– Я постараюсь, – сказал он скорее для себя, чем для Пита.

Глава 5

День за днем, по кругу, калейдоскопом запестрели тесты, вопросы, задачи, запахи, музыка, звуки. Ожидаемый эффект полноты эмоциональной карты так и остался за гранью. Эмоционального сочувствия умирающим, сострадания обезображенным в работе не прибавилось ни на грамм.

Мелькали дни, недели, но исследователь не сдавался. Питер слонялся из угла в угол, не зная, чем заняться, пока не получил очередной заказ. Более ужасающий. Впрочем, от безделья он был рад и ему тоже. Ученый шел к намеченной цели.

Вновь щелкнул выключатель в комнате испытаний, свет залил серое пространство, и тонкий белоснежный шелк полетел на пол, обнажая новые формы А-316. Руки девушки удлинились и свисали до земли, на спине выступали острые гребни антрацитово-серого цвета. Знакомые ритмы бились в динамиках, отражение в зеркале заметалось, глаза вспыхивали искрами, мимика на лице ожила, прежний выученный танец не выходил из-под тонкого невесомого пера. Неуклюжие движения омрачали лицо робота, повороты, волны, взмах рук выводили из равновесия. С трудом удерживаясь и уравнивая себя, она чудом не падала от смещенного центра тяжести. Музыка стихла. Отражение в зеркале дрожало от напряжения и горело.

– Еще раз.

Улучшений не произошло, ужасающая картина разрывала понятия о красоте и прежней неге.

– Снова, – командовал Салем.

Привычные плавные движения заученной программы неожиданно сменились кардинально противоположными: резкими, ужасающе манящими. Вспыхнула звериная агрессия. Длинные ветви рук служили новой опорой, вместо выгнутых ног, волны графитово-черных волос взмывали вверх, и завораживающая страсть наполняла атмосферу мрачным очарованием уродства и чувственности. Ученый попятился назад, испугавшись собственного неопознанного влечения к грации чудовища. Музыка стихла, и отражение, приготовившись к прыжку, замерло каменным изваянием. Салем, с восхищением потирая подбородок, еле сдерживал улыбку на губах.

– Надо бы закончить сегодняшний день и пройти полную программу.

Тесты, вопросы, задачи, запахи, музыка, звуки, видеоряд человеческих страстей и эмоций, животные, птицы, цветы. Лишь слабая тень промелькнула, когда совершенно случайно на экран вывелось изображение изуродованной собаки. Красновато-черная кровь хлестала из раны, животное выло и корчилась на земле. Ученый внимательно следил за реакцией робота. Глаза вспыхивали кварцевым свечением и мерцали. Но после пробежали тени по лицу, которое вновь застыло камнем, молчаливо говоря: «Нет, Салем».

С момента создания А-316 прошло несколько лет. Медленно, но верно Салем двигался вперед к поставленной задаче. От прежнего изящества девушки не осталось и следа. Прекрасное тянется к прекрасному, а уродливое к уродливому, и середины между ними быть не может. Возможно, в мире нет никакого сочувствия, и его придумали всего лишь слабые люди, чтобы обезопасить себя от жестокости более сильных и выкроить место в цепочке эволюции. Но все же. Вдруг возможно воспроизвести полную карту эмоций в искусственном интеллекте? Вдруг он сейчас ошибается, и именно сострадание явилось значимой ступенью в эволюции. Однако, к чему все это? Сможет ли он через робота научить людей вновь сострадать друг другу? Научить не убивать просто так, ради развлечения, ради своих амбиций, воссоздать

гуманное общество, память о котором уходила с каждым днем и пылилась на полках истории. В какой-то момент он даже начал сомневаться в этом. А стоит ли? Может, махнуть рукой, и пусть все идет так, как идет. Пусть люди поубивают друг друга в нескончаемых войнах, планета очистится от ненужной биомассы, и вновь на вершину ступени эволюции взойдут насекомые, рептилии, светло-зеленое травяное море покроет поверхность Земли, и наступит мир и покой. Нет, после глобальных военных действий вряд ли что-то живое останется в этом мире. «Продолжу, – решил он, – возможно, я смогу вытянуть ее». Сал уже понял, что Жанну ему не вернуть, что было первостепенной задачей эксперимента, но проявление сострадания также являлось немаловажной его частью.

Включился свет в комнате испытаний. Нежная бархатная пурпурно-розовая кожа на лице девушки сменилась чешуей. Лицо удлинилось. Скулы, выступая вперед, заострились, а сзади на шее проступили твердые наросты, руки укоротились, ноги напоминали звериные лапы с неподвижно лежащим у них длинным антрацитовым хвостом как у ящерицы. Когда зазвучала привычная музыка, взгляд робота был направлен в зеркало, но она, несмотря на заданную программу танца, осталась неподвижной. Лишь спустя мгновение задергалось уродливое отражение лица. Глаза вспыхнули ярким пламенем и потухли. Ученый безрезультатно жал кнопку на шее. Отклика не последовало. Обескураженный, он вышел из лаборатории.

Пара таблеток снотворного. Расстроенный Салем опустился на кровать.

– Бесполезно, бесполезно, – бились мысли в голове, – бездарность. Нет, ничего не выйдет, я знал, знал, что так будет. Бесполезно.

Он уже смирился с тем, что потерял жену, а сейчас эксперимент был на грани провала.

Разочарование висело в воздухе и плотной стеной отгораживало его от успеха, от признания, которого он жаждал. В какой-то момент он даже решил уничтожить все записи, которые вел ежедневно. К чему оставлять все потомкам, чтобы более талантливые ухмылялись над его безуспешными попытками? Но не успел. Сознание помутнело, и мерзкая грязная жижа окутала его.

Тяжело передвигая ноги сквозь мутный кисель, он окинул взглядом болото, которое его окружало. Оно засасывало ноги, нехотя выпуская каждый шаг из объятий. Над головой кружило воронье, пристально всматриваясь в него – личинку, копошащуюся между травинок. С трудом добравшись до более твердой поверхности, туда, где начинались сухие кочки, путник присел передохнуть. В кармане что-то кололось. В раскрытой ладони заблестел металлический, острый предмет. Клык? Откуда? Ворон над головой раздражительно каркнул и нанес первый удар. Сначала в глаза, затем вся стая накинулась в область сердца, выклеывая и выцарапывая его из человеческой груди.

Холодные бисеринки пота покрыли лоб Салема. Отдышавшись, он зажег свет и сделал пару глотков успокоительного.

Прошел еще год. За несколько дней до запуска новой модели, на этот раз последней, Питер почувствовал себя неважно. Сказались проблемы со здоровьем. Ассистента транспортировали на вертолете в лучшую клинику, что исключало его дальнейшее участие, и ученому пришлось завершать проект одному. Перед госпитализацией дизайнера тело робота претерпело значительные изменения. Звериные лапы заменили человеческими конечностями, вер-

нули бархат кожи, милое симметричное лицо, дополненное звериным оскалом вместо улыбки. Выступающие надбровные дуги уродовали образ, и в довершении короткий чешуйчатый хвост спускался к щиколоткам.

На этот раз ученый поменял тактику. Он решил провести эксперимент, о котором читал когда-то давно в журналах еще мальчишкой. Он создал несколько конечностей, похожих на лапы робота. Эксперимент заключался в том, что на настоящую конечность робота вначале воздействовал слабый разряд электрического импульса, затем этот же разряд был направлен на другие конечности с увеличением мощности. В какой-то момент, когда одна из лап разлетелась на куски, А-316 отдернула свою руку от аппарата и удивленно посмотрела на Салема. Покачав головой, она отказалась класть руку обратно.

– Догадливая, – пробормотал он, – а ничего-то ты не поняла.

Салем злился. Показав девушке-монстру сначала негативные эмоции отчаянья человеческого бытия, одновременно воздействуя электрическим импульсом на ее привязанные руки, Салем перешел к видео демонстрации красоты, положительных эмоций, совершенства человеческого тела атлетов, а также показал первое воплощение андроида. Выведя записанную голограмму первого танца А-316 и установив модель перед зеркалом, ученый включил музыку. Взгляд монстра вспыхнул, начался анализ музыки и заложенных движений, которые ученый намеренно не перепрограммировал, мелькала движущаяся картинка, отражение деградировало и не соответствовало требованиям первоначального варианта. Гримасы ужаса искажали некогда прекрасное лицо монстра.

Не совершив ни одного движения, она застыла. В отчаянье, ученый, швырнув пульт под ноги и не выключив модель, вышел из комнаты. Голограмма мелькала по кругу и то, что когда-то являлось ее физическим воплощением, повернулось и смотрело не отрываясь на танец страсти в отражении зеркал. Красавица и она же чудовище, не способное никогда воспроизвести в точности все заложенные программой движения. Монстр сверлил взглядом увиденное, анализируя произошедшие изменения. В памяти вспыхивали тесты, разорванное на части и еще живое животное, звуки, цветы, красота человеческого тела, вся страсть танца, образ ученого. Некое подобие эмоции отразилось на лице. Сострадание? Сочувствие? То, чего добивался он. Или игра света?

Салем вернулся.

– Жанна, – тихо позвал он, – Жанна. Ты слышишь меня?

Чудовище как будто бы вздрогнуло и напряглось. Медленно повернулось к нему. Он узнал ее взгляд. Она потянулась к нему.

– Салем. Я во тьме, – знакомые нотки голоса отозвались в его сознании, но губы робота не шевелились. – Я сплю и не сплю, это как грезы наяву, – голос замолк, давая прийти в себя, но затем возобновился. – Она никогда не ослабляет внимание. И этот коридор, в который мне не позволено выйти, он занят, Салем. Я не знаю, куда я иду и откуда. Не помню прошлой жизни, и была ли она. Я открыла глаза и сейчас я здесь. Но ничего не было и нет. Я есть только здесь и сейчас.

– Ты здесь, выходит, мы победили? – он взял ее за плечи.

– Гиноид выполнила свою задачу, Салем, она более не может существовать без новой. Она... Здесь нет места чувствам, ощущениям, здесь ничего этого нет. Она отключит и меня, мне осталось...

Жуткий выдох прошелестел около уха ученого. Взгляд робота вновь потух, и Салем понял, что Жанна ушла навсегда. В отчаянье он оттолкнул монстра и ударил со всей силы рукой в стену, выкрикивая проклятия.

Запивая вторую пачку снотворного янтарным виски, Салем стирал программы с компьютера, уничтожал свой дневник, обличая себя в бездарности. Обучить программу различать эмоции? Сочувствовать, сострадать. Слияние. Воскресить свою мертвую жену. А ведь он мог создать идеальную девушку, которая бы танцевала, улыбалась, отвечала на сложные вопросы. Красивая оболочка с компьютерными мозгами. Слава, успех – все было бы у его ног. Но нет. Он захотел забраться в глубины неизведанного. Подобраться к тому, что доступно даже не всем людям. Сос-тра-да-ни-е. Несуществующее качество реальности. Возможно, раньше, когда-то давно, люди помнили, что это такое. Он помнил. Нет, он сам забыл, что это. Когда гонка к финишной ленточке становится первостепенной целью, на второй план отходит сама идея. Идея обесценивается, становится второстепенной, ненужной. «Бездарность», – упрекал он себя. «Бесполезность», – сокрушался он, опустошая бутылку виски.

По коридору раздалось клацанье когтей, образ расплывался в дверном проеме. Вспомнив слова Жанны о достижении конечной цели, приготовившись к жестокой расправе, ученый выдохнул и зажмурился. Ужасные лапы с торчащими шипами обняли его и прекрасное когда-то лицо наклонилось к его щеке. Шершавый сухой язык прикоснулся к коже. Взгляд казался до боли знакомым и родным. Неужели. Она снова смогла? Салем, бродя в лабиринтах туманного сознания, начал осознавать, что, возможно, он добился своего, возможно, он смог? Искусственный интеллект, завершив свою задачу, ослабит хватку и выпустит на волю второе сознание, заключенное в его сущности. Слова, который он приготовился сказать, смешались в единый нечленораздельный звук, и монстр, сворачиваясь во фракталы, поплыл по кобальтово-синей реке безумия навстречу своему новому воплощению. Сердце Салема остановилось.

Чудовище потянулось к его лицу, с шумом принюхиваясь. Ни вдоха. Грудная клетка человека не поднималась. Некогда прекрасная искусственная девушка обнимала своего создателя. Того, кто все-таки добился поставленной цели. Сос-тра-да-ние. Сострадание может познать только тот, кто научился сострадать себе. Тот, кто понял всю безысходность существования своего «я» в данный момент времени. Идеальное существо, идеальное тело, идеальный ум – предел мечтаний перфекциониста. Разве может идеал думать о чем-то, кроме идеального? Является ли сострадание погрешностью, ошибкой идеального существования.

Монстр потянулся к нему, смыкая губы на шее. Парящие кремовые облака поднимались и цеплялись за пики вершины самой высокой горы, куда не долетали даже птицы. Дожди, спускавшиеся с вершины, несли благодать и плодородие, побуждая заложенные зерна расти и процветать. Андроид-монстр склонила голову, из ее глаз не могло упасть ни капли плодородного дождя, но зерна, брошенные ученым, выросли, пробившись сквозь пелену уродства и ужаса. Особые зерна, выращенные извращенным способом, без солнца, влаги и тепла, в антрацитовый темноте горестного познания.

Мигающая лампочка выхватывала из темноты два тела в объятиях друг друга. Умиротворенность, любовь, сострадание – именно то, чего добивался тот, кого больше нет среди живых.

Салем встал с кровати. «Приснится же такое». Он отпил воды из стакана и вышел в коридор. Что-то было не так. Он сразу это почувствовал.

В коридоре мигала лампочка. Со стен сползали темные капли то ли масла, то ли крови. «Питер, как у него дела, надо позвонить». Телефон непривычно лег в руку. Пальцы плохо слушались в поисках нужного контакта.

Салем неожиданно для себя вспомнил, что успел уничтожить все свои труды по созданию эмоциональной прогрессии, видеозаписи стерты и ужаснулся своей догадке.

– Аллю, Джесси, твой муж Питер, он добрался до дома? Это Сал. Помнишь меня?

– Это должно быть какая-то неудачная шутка, – ответила женщина.

– Какие могут быть шутки. Ты не узнаешь меня? Джесси. Это Салем.

– Сал. Салем, но как же ты... Нам сообщили, что ты умер в больнице. Вскоре после смерти Жанны.

– Что?

– Сал. Питер умер почти две недели назад, сразу после того, как попал в больницу. Я не знала, куда он уезжал на несколько лет, он ничего не сказал. Позвонили из больницы и...

– Но я... Я не понимаю.

– Абонент временно недоступен, – пискнул телефон.

Сал обернулся, в глубине по-прежнему виднелись два силуэта. Вдруг он начал осознавать. Он провел пальцами по коже, нащупывая шов на затылке, и разорвал его в стороны, но брызг крови не последовало. Всего лишь вытекла мутная сангиновая жидкость со специфическим запахом.

Эпилог

– Он все понял. Быстро выведите меня на главный экран в лаборатории. Мне надо с ним поговорить! – закричал Жан.

В сумрачном свете вспыхнул экран. На нем появилось незнакомое лицо, впрочем, очертания кого-то отдаленно напоминали.

– Здравствуй, Салем, – произнес неизвестный голос.

– Кто или что вы? – напрягся ученый.

– Салем, мне надо кое-что сказать тебе. Это очень важно. Меня зовут Жан. Я брат-близнец твоей жены.

Брови Салема поползли вверх, и он замахал руками в знак протеста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.